

Пэй Цун нетвёрдой походкой поднялся на второй этаж. След от иглы в глубине позвоночника всё ещё ныл тупой болью.

Ощущение полного, выпотрошенного досуха зла липло к каждому нервному окончанию, рассыпаясь навязчивым шумом.

Краем глаза он заметил ребёнка: тот скорчился под лестничным пролётом, сжимая что-то в руке. Завидев Пэй Цуна, он поспешно спрятал свою ношу.

Пэй Цун успел разглядеть: это был змеиный клык. Тупой, с синеватым отливом у корня. Такой цвет бывает только у зубов, вырванных из трупа.

Ребёнок резко вскинул голову. На его лице ещё не высохли слёзы, но во взгляде уже читалась смутная враждебность.

Он откровенно боялся этого загадочного человека в маске.

Поначалу он заискивал перед Пэй Цуном, полагая, что именно он здесь главный. Все свои ставки на «выживание» ребёнок инстинктивно поставил на мужчину, скрывающего лицо.

Но потом Чезаре снова привёл его с собой, одного. Пэй Цун хоть и был недоволен, пальцем не тронул.

Стремительно набирающий славу юный механик – такая фигура, конечно, имела право голоса.

И тогда ребёнок переключился на Чезаре, пытаясь подобраться к нему.

Однако в последнее время он окончательно осознал горькую правду:

Чезаре был не из тех, к кому можно «подобраться».

Вернее, только в присутствии Пэй Цуна он ещё кое-как сдерживал свои клыки, лицемерно притворяясь человеком.

На глазах у Пэй Цуна он мог с каменным лицом бросить ему полкраюхи хлеба или обронить равнодушную фразу притворной заботы.

Но стоило тому исчезнуть, как этот безумец становился холоднее самых ядовитых тварей из сточной канавы.

Ребёнок несколько раз пытался заговорить с ним, но стоило поднять взгляд, как он тут же наткнулся на эти чёрные, вязкие змеиные глаза, полные грязи и запёкшейся крови.

Он также тайком наблюдал за ними обоими, гадая, что же их связывает.

Не родство. Не страсть. Не взаимная настороженность. Но и не вражда.

Чезаре мог лишь сжать манжету или бросить взгляд на выход, а Пэй Цун, казалось, уже знал об этом заранее. Один его небрежный жест или взгляд – и Чезаре мгновенно затихал.

Порой они даже дышали, стояли или двигались в одном, едва уловимом ритме.

Ребёнок боялся, но в то же время втайне завидовал этой связи.

В голове у него до сих пор звучали слова Аманты:

«Не забудь, чему я тебя учил. Подлижись к этому механику. Когда всё закончится, я отдам тебе останки того ублюдка».

И всё из-за этого человека в маске. Из-за него Чезаре всегда держал перед ним глухую, ледяную стену.

Пальцы ребёнка похолодели, а тлевшая внутри враждебность разгоралась всё жарче.

В тот момент, когда Пэй Цун уже взялся за ручку двери, за спиной раздался тихий щелчок.

Ребёнок резко обернулся.

Это был Чезаре.

Он стоял в проёме своей тёмной комнаты, дверь была приоткрыта лишь наполовину. В густой тени лица было не разобрать.

— Заходи.

Ребёнок опешил.

Не успел он опомниться, как взгляд Чезаре стал ещё на полтона мрачнее, а давление – ощутимее.

Ребёнок, словно на невидимом поводке, мелкими шажками двинулся к нему и уже занёс ногу, чтобы переступить порог его комнаты.

Как вдруг из пропитанной дымом темноты коридора раздался ленивый и холодный голос Пэй Цуна:

— ...Ко мне в комнату.

По спине ребёнка пробежал ледяной холод.

Он ни на секунду не усомнился: откажись он – и Пэй Цун убьёт его на месте. А Чезаре даже пальцем не пошевелит, чтобы его защитить.

Дверь за ребёнком захлопнулась.

Чезаре впился пальцами в дверной косяк, на тыльной стороне ладони вздулись вены.

Этот знакомый, пропитанный запахом крови «дух убийства» снова вернулся к Пэй Цуну после долгого перерыва.

Он почти воочию представлял, как тот с досадой сжимает шею этого мальчишки, а потом кладёт свою окровавленную руку ему на плечо — как обычно.

То, что Пэй Цун убивает из-за него, вызывало в нём острое, пьянящее возбуждение.

***

Пэй Цун прислонился к оконной раме. Казалось, каждую косточку в его теле скребли ножом, и

тупая боль не утихала.

Когда ребёнок вошёл в комнату, та жажда убийства, которую он подавлял в себе всю дорогу с чёрного рынка, мгновенно вырвалась наружу.

Он выслушал рассказ доктора о «трагической судьбе» этого мальчишки: насильственно влитые гены ближайшего родственника, смерть единственной семьи, заточение в качестве подопытного кролика у Аманты.

Он выслушал - и тут же выбросил из головы. Вернее, он и не собирался забивать себе память этой грязной историей, каких на выжженной земле пруд пруди.

— Подойди.

— Живо.

Пэй Цун сидел на спинке стула. Он не торопился, ожидая, пока ребёнок приблизится на достаточное расстояние.

Ребёнок был слишком грязен.

Вся эта Загрязнённая зона была слишком грязна.

Даже Чезаре - и тот был грязен.

Он своими глазами видел, как во время генетической вспышки его кожа покрывалась чужеродными отметинами, позвоночник вытягивался, а конечности сводила нервная судорога.

Это долгое, вьевшееся в самую суть ощущение себя как «вещи», как «отверженного», породило в нём всепоглощающее отвращение к собственному телу и к самому факту «существования».

Он ненавидел загрязнение за то, что оно сделало его «чужаком» в глазах других. И ненавидел себя за то, что не мог даже «чисто умереть».

Сегодняшняя кунсткамера Виланда всколыхнула в нём физическое омерзение к генетической мутации, пробудив самого страшного демона, таившегося в самых тёмных закоулках его души.

Какой-то сбивчивый, рваный шум просачивался из трещин в костях, раздирая кожу и заставляя демона резни внутри него наполовину выбраться наружу.

Его тошнило не только от этого мира до предела, он готов был прикончить и самого себя заодно.

Отвращение Пэй Цуна к себе проистекало не только из «бесчеловечности», вызванной загрязнением. Оно коренилось в осознании того, что он сам стал именно тем чудовищем Пустоши, которое больше всего жаждал уничтожить:

Насилие. Убийство. Мутация. Потеря контроля.

Он встал. Дыхание стало тяжёлым, всё тело наполнилось инстинктом убийства.

Он сомкнул пальцы на горле ребёнка и сжал их.

В глазах мальчика застыл ужас. Из горла вырывалось то отчаянное, предсмертное дыхание,

какое бывает у дикого зверя, загнанного в угол.

Он отшатнулся и в ужасе затряс рукой. На тыльной стороне ладони неосознанно проступила змеиная чешуя... холодная, серо-голубая, чешуйка за чешуйкой, ледяная и скользкая на ощупь.

Ледяная текстура скользнула по его ладони.

Могильный холод дождливой ночи, тупая боль во всём теле, фантомное ощущение вытягиваемых костей с операционного стола – всё это ещё не отпустило. А теперь к ним добавилось и это скользкое прикосновение, взорвавшееся в нервных окончаниях.

Внезапно его рука разжалась.

Пэй Цун вспомнил тот вечер, когда Чезаре вытянул свой змеиный хвост и медленно, безмолвно и хрупко обвил его запястье.

Прикосновение было холодным. Скользким. Ледяным.

Точно таким же, как от этой змеиной чешуи в его ладони сейчас.

Пэй Цун резко пришёл в себя. Волна отвращения к жизни и жажды убийства натолкнулась на мимолётную трещину, которой оказался Чезаре.

Он разжал пальцы, отпуская горло ребёнка, и спросил:

— Чезаре... как он к тебе относится?

Ребёнок судорожно хватал ртом воздух, в горле першило. Он решил, что Пэй Цун пощадил его только из-за Чезаре.

В душе затеплилась робкая надежда на спасение.

Чезаре с ним и правда не церемонился, но сейчас, стиснув зубы, он мог выдавить лишь одно:

— Он... он хорошо ко мне относится.

Пэй Цун отдёргнул руку и опустил взгляд на собственные пальцы. Движения его были замедленными.

— Хорошо, — произнёс он.

Всё, что было потеряно среди руин, радиационных зон и кровавых луж: люди, вещи, даже части самого себя.

Каждый миг собственного бессилия заставлял Пэй Цуна задавать один и тот же вопрос:

«А что, если бы я был чуть более жесток?»

«Что, если бы я был чуть сильнее?»

«Что, если бы моё генетическое загрязнение не было таким тяжёлым?»

«Может, тогда мне не пришлось бы жить в этом облике, не принадлежащему ни человеку, ни

зверю?»

Эти безответные вопросы разрастались внутри, в конечном итоге превращаясь в ненависть к самому себе, ту, что терзала его в прошлой жизни.

Он давно усвоил урок: Планета-Свалка не учит милосердию. Она учит ступать по кровавой жиже и впитывать ненависть и предательство через кости, вгоняя их прямо в сердце.

Если Чезаре и дальше будет возиться с этим ребёнком, ничем хорошим это не кончится.

Но у Пэй Цуна больше не было желания вмешиваться.

Его тошнило от всего этого. Тошнило от того, что Чезаре до сих пор не решается нанести решительный удар, всё медлит и проявляет мягкотелость.

Раз у него рука не поднимается, пусть этот щенок сам его укусит, да побольнее.

Радиационный омут сам объяснит Чезаре, что жалость – болезнь куда более страшная, чем любая мутация.

<http://bllate.org/book/14659/1611439>